

UDC 94

**Illegal Actions by Soviet Servicemen Against Civilian Population of Poland
in the Final Stage of World War II**

Sergey I. Belov

Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to examine the topic of criminal acts of soldiers of the Red Army against the civilian population of Poland in 1944–1945. Coverage was given to such aspects of the issues as the scope and nature of illegal actions by Soviet soldiers and officers in relation to non-combatants. The issues of military crimes on behalf of the Red Army are introduced. A comparative analysis of the behavior of Red Army soldiers, Polish Army and the civilian population was conducted. The new archival sources – stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, summary reports and political bodies of the 1st Ukrainian and 2nd Belorus Fronts on the attitudes of the population in the liberated areas of Poland in 1944–1945 were introduced to the scientific circles.

Keywords: the Red Army; looting; Poland; falsification of history; historical memory.

Введение. Среди политических деятелей, экономистов, публицистов и ученых общество XXI века принято именовать информационным. Сам этот термин подчеркивает возросшую значимость знаний в жизни современного социума. Увеличение роли информации во всех сферах жизни человека закономерным образом повлекло за собой усложнение методов работы с ней. При этом усовершенствованию подверглись не только приемы использования знаний на благо общества, но и пропагандистские инструменты, целью применения которых является подавление воли людей и использование их в корыстных целях.

Одним из наиболее ярких примеров в данном отношении, в силу масштабности своих последствий, являются фальсификация и политизация истории. Сложно переоценить негативный эффект, оказываемый сознательным искажением событий прошлого на мировоззренческих установках общества. Существующая в массовом историческом сознании относительно устойчивая версия истории и прилегающий к ней набор символов социальной памяти играют в современных условиях роль основы национально-гражданской идентичности и культурной преемственности поколений. В силу этого разрушение единой картины прошлого приводит к утрате людьми собственной идентичности, в результате чего ранее единые народ перестает ощущать себя таковым. Как следствие, общество начинает деградировать, возникает благоприятная среда для развития политического и религиозного экстремизма [1; 2].

Одной из излюбленных направлений работы фальсификаторов является история Великой Отечественной войны, включая такой ее аспект, как действия Красной Армии на территории Европы в период 1944–1945 гг. Посредством искажения фактов российские и зарубежные публицисты содействуют достижению сугубо политических целей – разжиганию антироссийских настроений на постсоветском пространстве, в Европе и США и выработке у граждан РФ комплекса национальной вины [3; 4; 5; 6].

Чаще всего фальсификаторы на страницах своих произведений доказывают, что после вступления в Европу солдаты и офицеры Красной Армии в массовом порядке грабили и убивали местных жителей. Подобные инсинуации пользуются на сегодняшний день большой популярностью как зарубежом, так и в определенных кругах внутри самой России. Однако даже на фоне кампании по переписыванию истории в странах Балтии и на Украине ярким пятном выделяется отношение к действиям Красной Армии со стороны польских исследователей и публицистов. Восприятие гражданами современной Речи Посполитой советских войск, некогда освободивших их предков от германской оккупации, лучше всего отражают недавний инцидент с установкой в Гданьске памятника, изображающего солдата Красной Армии, насилующего польку, и попытка демонтировать могилу И.Д. Черняховского [7; 8].

Сохранение и распространение представлений о советских солдатах как об убийцах и насильниках неизбежно ставит вопрос о возможности попытки ревизии роли Красной Армии в освобождении Европы от нацизма уже на академическом уровне. Равным образом тиражирование подобных фальсификаций провоцирует раскол внутри российского общества, способствует распространению правого экстремизма как в пределах РФ, так и за рубежом, содействует ухудшению взаимоотношений между Москвой и Варшавой на официальном уровне, а также затрудняет в целом диалог между Кремлем и странами Европейского Союза. Все это ставит на повестку дня вопрос о необходимости углубленного изучения проблемы взаимоотношений между советскими войсками и гражданским населением Польши в период ее освобождения от немецкой оккупации.

Материалы и методы. Источниковую базу представленного исследования образовали ранее не введенные в научный оборот документы, обнаруженные в ходе изысканий в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Также часть использованных в процессе написания работы сведений была почерпнута из работ современных исследователей, разрабатывающих смежные темы.

Методологическая база исследования была сформирована за счет сочетания общенаучных и специальных методов, таких как анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, диалектический, системный и историко-сравнительный методы.

Обсуждение. Приступая к освещению заявленной проблемы, в первую очередь необходимо подчеркнуть, что советского руководство накануне вступления Красной Армии на территорию западнее линии Керзона предприняло ряд шагов, направленных на завоевание лояльности этнических поляков. В числе прочих мер постановлением Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО) от 31 июля 1944 г. бойцов Красной Армии обязали гарантировать польским гражданам охрану их жизни и здоровья, принадлежащей нонкомбатантам частной собственности и личных имущественных прав [9; 10, д. 20, л. 11.]. Перед вступлением советских войск на территорию Польши политработники провели соответствующую работу с личным составом, в том числе ознакомив солдат и офицеров со всеми документами, принятыми властями относительно поведения бойцов Красной Армии западнее линии государственной границы СССР [10, д. 20, л. 10, 19].

Подобный подход был обусловлен как реалистичным пониманием международной ситуации в партийном и государственном руководстве, а также стремлением Кремля обеспечить вхождение Польши в состав советской зоны влияния после завершения войны. Вероятнее всего, в Москве учитывали также опыт предыдущих конфликтов с Варшавой, которые продемонстрировали наличие ярко выраженных националистических и антикоммунистических настроений в польском обществе.

Однако, несмотря на предпринятые советским руководством меры, контакты между советскими войсками и гражданским населением Польши осложнял произвол со стороны отдельных бойцов и офицеров. В частности, к 7 августа 1944 г. (т.е. через три недели после вступления на территорию Польши) прокуратурой 1-го Украинского фронта было возбуждено 100 дел по факту правонарушений, совершенных советскими военнослужащими на территории Польши. Свыше 50 из них на тот момент закончились осуждением обвиняемых. При этом среди вменяемых в вину солдатам и офицерам Красной Армии преступлений имелось лишь 4 эпизода изнасилования и 1 случай убийства. На фоне того, что общая численность войск 1-го Украинского фронта была приблизительно равна 1,2 млн человек, это позволяет предположить, что по меньшей мере на первом этапе освобождения территории Польши правонарушения не были характерны для поведения абсолютного большинства красноармейцев. Безусловно, возникает вопрос о степени достоверности и объективности материалов военной прокуратуры. Однако особое внимание, проявляемое советским руководством к завоеванию симпатий мирного населения Польши, косвенным образом свидетельствует о том, что прокуратура не могла системно игнорировать факты произвола красноармейцев по отношению к гражданским. Отказ от идеи создания колхозов или даже проведения агитации за их образование, запрет препятствовать исполнению религиозных обрядов, включение в состав Люблинского правительства представителей социалистических и крестьянских партий, обещания значительного расширения территории польского государства – все перечисленные факты указывают на то, что Москва была крайне заинтересована в обеспечении лояльности мирного населения освобожденной Польши и не могла позволить военному руководству закрыть глаза на факты произвола в отношении нонкомбатантов [10, д. 20, л. 1, 10, 12, 19; 11, с. 236–276].

Гораздо чаще, нежели эпизоды убийств или изнасилований имели место, несмотря на строгий запрет со стороны командования, случаи мародерства и грабежей на освобожденных территориях. На заседании Военного совета 1-го Украинского фронта 7 августа 1944 г. было упомянуто всего 20 зафиксированных случаев мародерства со стороны солдат соединений, подчиненных маршалу И.С. Коневу. Чаще всего имели место случаи присвоения лошадей и гуртов скота [10, д. 20, л. 7–10]. Например, член Военного совета 3-й гвардейской армии генерал-майор И. С. Колесниченко упоминал о захвате 32 лошадей. При этом подчеркивалось, что виновники в большинстве случаев были обнаружены и потерпели заслуженное наказание. Командование 1-го Украинского фронта также обращало внимание на то, что поляки, «как ярые частные собственники», крайне жестко реагировали на случаи потравы хлебов и овса. Особенно часто подобные обвинения звучали в адрес 6-го кавалерийского корпуса. Последнее подразделение также заработало себе дурную славу среди поляков в процессе заготовок – его представители вместо денег выдавало хозяевам ферм некие бумаги, по которым советское правительство якобы должно было компенсировать землевладельцам все издержки после завершения войны [10, д. 20, л. 2, 3].

Руководство советских войск резко осуждало и всеми силами пресекало практику мародерства. С целью прекращения случаев незаконного захвата имущества местных жителей, командованием был реформирован порядок проведения заготовок. Продукты было решено приобретать строго за наличный расчет, через подрядчика, а не напрямую у производителя (что значительно сужало возможности для негласных поборов), а затем свозить на специальные сборные пункты, опираясь на которые можно было бы наладить централизованное снабжение войск [Там же, л. 3, 5]. Также

советским командованием были организованы совещания начальников политорганов, посвященные проблеме мародерства, и интенсифицирован процесс подготовки комендантов, на которых было в том числе возложена задача борьбы с хищениями имущества местных жителей. Перечисленные меры способствовали значительному сокращению числа случаев мародерства, однако подобные эксцессы продолжали периодически возникать [Там же, л. 10].

Однако, несмотря на рост уровня дисциплины в войсках после принятия соответствующих решений в августе 1944 г., задача борьбы с мародерством и разного рода мелкими правонарушениями среди частей Красной Армии продолжала оставаться актуальной. В директиве Военного совета 1-го Белорусского фронта № 044 от 23 января 1945 г. упоминалось, что отставшие от своих частей солдаты Красной Армии зачастую занимались попрошайничеством, мародерством и пьянством, совершали хулиганские выходки. Было также отмечено, что при движении через крупные населенные пункты многие командиры и политработники демонстрируют примиренческое отношение к фактам мародерства и чрезмерного употребления алкоголя со стороны своих подчиненных. Отдельные офицеры и вовсе поощряли практику мародерства в отношении продуктов питания, усматривая в этом проявление предприимчивости своих солдат, хотя бы частично освобождающую командиров от заботы о снабжении части. Помимо того, в документах упоминалось, что дивизионные и полковые обозы, в особенности в артиллерийских частях, «загружены всяким хламом» [10, д. 34, л. 66].

Военным советом 1-го Белорусского фронта были даны указания в кратчайшие сроки наладить точный учет личного состава и отправить ответственных офицеров для сбора отставших красноармейцев, снабдив их при необходимости автотранспортом, а также пресечь мародерство и «барахольство». Кроме того, было приказано отчистить обозы от ненужных для боя вещей и запретить впредь их перевозку [Там же, л. 67, 68].

Урегулировать ситуацию позволило также заключение соглашения между правительством СССР и Люблинским правительством. В соответствии с основным на данном нормативном акте приказом Ставки командующим 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов № 220318/сс от 1945 г., западнее линии Керзона трофеями можно было считать лишь принадлежащие воинским частям противника вооружение, боеприпасы, техника, военно-интендантское и военно-техническое имущество, горюче-смазочные материалы и содержимое войсковых продскладов. К числу трофеев отныне не относились автомашины с награбленным и реквизированным немцами у местного населения имуществом, которые было приказано брать под охрану и передавать по акту местным органам власти после соответствующего ходатайства со стороны последних. Помимо того, советское командование воспрещало рассматривать в качестве трофеев и изымать на территории Польши имущество частных владельцев, кооперативных организаций, промышленных предприятий и муниципалитетов. В отношении имущества владельцев поместий, бежавших вместе с отступающей немецкой армией, действовало особое правило – все оставленные ими ценности полагалось брать под охрану и передавать по акту польским органам власти [Там же, д. 33, л. 71].

Все жалобы населения о самовольном изъятии имущества советскими войсками предписывалось тщательно расследовать, как минимум компенсируя в случае подтверждения жалоб понесенный местными жителями урон (в случае, если установить конкретного виновника произошедшего установить не удалось) [10, д. 33, л. 71].

Все перечисленные меры способствовали сокращению случаев произвола советских военнослужащих в отношении гражданского населения Польши, заметно улучшив климат во взаимоотношениях двух сторон в период, последовавший за проведением Висло-Одерской операции [Там же, д. 20, л. 18; Там же, д. 33, л. 434-437, 441, 442; 12, Д. 702, л. 99].

Интересно отметить, что в то же время в документах фиксируются многочисленные случаи участия в мародерстве и разбоях гражданского населения Польши и бойцов Войска Польского. Например, разграбления имения Потоцких в Лансуте, в ходе которого была содрана даже обшивка со стульев, проходило преимущественно силами самих поляков, пользовавшихся положением временного безвластия. Неоднократно по итогам возбужденных по инициативе местных жителей расследований было установлено, что размер похищенного имущества гораздо меньше заявленного хозяином, а преступниками, скорее всего, являются земляки жертв [Там же, д. 20, л. 8].

Принципиально важно подчеркнуть, что речь шла не об единичных эпизодах и не только лишь о жителях сельской местности. Так, когда после освобождения Варшавы советская военная администрация не смогла обеспечить регулирование притока гражданского населения в отчищенный от оккупантов город, жители пригородов в течение двух дней, 18 и 19 января 1945 г., в массовом порядке грабили польскую столицу [Там же, д. 34, л. 85].

Более того, противоправное поведение в отдельных случаях было характерно и для военнослужащих Войска Польского. Так, 2 февраля 1945 г. солдаты и офицеры 27-го стрелкового полка, входившего в состав 10-й дивизии Войска Польского, в количестве 200 человек организовали с целью грабежа нападение на склад наркомата обороны № 821 в г. Краков. 7–8 февраля имели место случаи нападения солдат 29-го полка все той же дивизии на железнодорожные эшелоны с целью захвата перевозимого имущества. 10 февраля группа военнослужащих 10-й дивизии ограбила несколько квартир в г. Катовице. Спустя сутки группа солдат отдельного саперного батальона 10-й дивизии вломилась с целью грабежа в сапожную мастерскую. Во всех упомянутых случаях

действия мародеров были пресечены лишь после вмешательства комендатуры [10, д. 33, л. 444, 445; 12, Д. 702, л. 112].

Принципиально важным является вопрос о том, какие масштабы носили противоправные действия советских войск по отношению к мирному населению Польши в целом за период 1944 – 1945 гг. К сожалению, точных данных относительно данной проблемы во введенных в сохранившихся источниках не сохранилось – лакуарность и фрагментарность дошедших до нас материалов негативным образом отразилась на их информационной полноте. Последнее вынуждает нас обратиться к косвенным доказательствам, среди которых наиболее значимым является качество отношения жителей Польши к военнослужащим Красной Армии.

В случае, если произвол и насилие со стороны советских солдат и офицеров действительно являлись повсеместным явлением, логично было бы ожидать, что естественной реакцией нонкомбатантов на присутствие красноармейцев являлись бы страх и ненависть. Однако сохранившиеся архивные материалы содержат в себе факты, свидетельствующие о достаточно теплых отношениях между советскими войсками и мирным населением.

Согласно материалам донесения отдела по руководству военными комендатурами Военного совета 1-го Украинского фронта начальнику Политического управления о деятельности военных комендатур на освобожденной территории Польши от 13 марта 1945 г., на освобожденной территории Польши большинство населения приветствовало части Красной Армии, что проявлялось как на официальном уровне, в форме митингов и резолюций, так и в быту. В частности, поляки охотно предоставляли ночлег солдатам и офицерам Красной Армии.

Помимо того, население освобожденных областей охотно участвовало в общественных работах, проводимых советской администрацией. Так, в Келецком уезде 14 февраля 1945 г., вблизи с. Цензина, была снесена водой переправа через местную реку. Комендант привлек к работам местных жителей, в короткие сроки на его призыв откликнулось 2 500 человек, которые привели с собой 1 897 лошадей, и уже через 9,5 часов переправа была восстановлена. Общественные организации Кракова активно оказывали помощь советским гражданам, оказавшимся на местном пересыльном пункте. Например, 17 февраля 1945 г. последним было вручено 200 посылок для детей [10, д. 20, л. 18; Там же, д. 33, л. 434].

Комендант г. Севеж сообщал, что персонал городской больницы организовал «теплый уход» за больными и ранеными красноармейцами, а на местный призывной пункт ежедневно приходит 15–20 человек, желающих вступить войско Польское. Расположенные в г. Гостынь и на территории прилегающего уезда 5 больниц также включились в процесс лечения больных и раненных красноармейцев [Там же, д. 33, л. 435].

Проживающие на освобожденных территориях поляки также охотно помогали советским войскам с поиском местонахождения небольших складов оружия, боеприпасов и радиоаппаратуры, которые могли бы послужить основой для действий диверсионных групп немецких спецслужб и антисоветского подполья (в одном лишь Кракове таким образом было выявлено 9 «схронов») [Там же].

Убедившись со временем в преимуществах взаимодействия с советской стороной перед германской оккупацией, жители занятых Красной Армией территорий также начали испытывать страх перед возвращением частей вермахта. В частности, на участке 8-й гвардейской танковой армии имели место случаи, когда вслед за началом контрнаступления немецких войск местное население начинало подготовку для бегства вслед за возможным отступлением Красной Армии. В Калбушеве и вовсе все население ушло из своих домов вместе с советскими войсками [Там же, д. 20, л. 6, 18].

Также в документах нашли отражение эпизоды того, как советские военнослужащие нарушали приказы командования, не желая причинять местным жителям неудобства. Например, командир и начальник штаба 163-го полка 8-й кавалерийской дивизии, размещенные в жилище местного лесника, отказались выселять хозяев, хотя это и предполагалось в соответствии нормативными актами, регулирующими соблюдение военной тайны. Помимо того, советские солдаты и офицеры по просьбе местных жителей охотно перевозили на служебном автотранспорте грузы и пассажиров, несмотря на запреты командования [10, д. 20, л. 13, 16; 12, Д. 700, л. 87].

Показателен и другой факт. Был отмечен ряд случаев, когда раненных красноармейцев оставляли на попечении гражданского населения, а потом вовсе про них забывали. Сотни людей оседали, как отстающие, в пунктах продвижения войск, причем зачастую о них забывали в частях, к которым эти бойцы были приписаны [10, д. 34, л. 66, 67]. Последнее косвенным образом свидетельствовало о достаточно дружелюбном отношении местных жителей к советским войскам, так как в противном случае отстающие солдаты и офицеры Красной Армии вряд ли бы рисковали оставаться во враждебном окружении.

Заключение. Обобщая изложенное выше, мы можем заключить, что существующие на сегодняшний день стереотипы относительно поведения советских войск на территории Польши следует признать несоответствующими действительности. Тяжкие преступления против местных жителей носили единичный характер и оперативно карались. Мародерство со стороны советских солдат также никогда не принимало широких масштабов (в том числе благодаря действиям командования) и касалось преимущественно скота, использовавшегося красноармейцами в качестве тягловой силы и источника мяса, и продуктов питания. В то же время были зафиксированы случаи массового участия в мародерстве самих поляков, включая как гражданских лиц, так и бойцов Войска

Польского. Соответственно, распространяемые ныне рядом публицистов стереотипы относительно поведения бойцов Красной Армии на территории Польши нельзя расценить иначе как явные фальсификации, целью которых является разжигание антироссийских настроений зарубежом и уничтожение символов социальной памяти внутри российского общества.

Примечания:

1. Никифоров Ю.А. Война и миф / Ю.А. Никифоров // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2006. № 38. С. 14.
2. Никифоров Ю.А. О современных приемах искажения прошлого / Ю.А. Никифоров // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 4–11.
3. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская // Российская история. 2007. № 2. С. 139–151.
4. Сенявская Е.С. Освободительная миссия СССР во Второй мировой войне как объект искажения исторической реальности и исторической памяти / Е.С. Сенявская // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: сборник материалов научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. 21-22 апреля 2010 г. М., 2010. С. 40–42.
5. Погорельская С.В. Германия-Польша-Россия: особенности взаимного восприятия и внешняя политика / С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. 2008. Т. 156. С. 156.
6. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое. Международное отношение и российская историческая политика / И.Б. Торбаков // Символическая политика: сб. научных трудов. Центр социальных научно-информационных исследований Отделение политических науки; Ответственный редактор: Малинова О.Ю. Москва, 2012. С. 91-125.
7. Изнасилование под танком: художник инициировал дискуссию о прошлом Гданьска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20131017/213952307.html> (дата обращения 21.02.2014).
8. Генерала вернут на Родину? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/02/03/general-poln.html> (дата обращения 21.02.2014).
9. Сенявская Е. С. Солдаты Красной Армии на польских землях: психологические аспекты отношений с польским гражданским населением / Е.С. Сенявская // История. 2001. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200100801> (Дата обращения 21.02.2014).
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 236. Оп. 2727.
11. Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. 368 с.
12. ЦАМО. Ф. 67. Оп. 12001.

References:

1. Nikiforov Ju.A. The war and the myth / Ju.A. Nikiforov // Search: Policy. Civics. Art. Sociology. Culture. 2006. № 38. P. 14.
2. Nikiforov Ju.A. On the modern methods of distortions of the past / Ju.A. Nikiforov // Teaching of history in schools. 2010. № 9. PP. 4-11.
3. Senjavskij A.S., Senjavskaja E.S. Historical memory of the wars of XX century. as an area of ideological-political and psychological confrontation / A.S. Senjavskij, E.S. Senjavskaja // Russian history. 2007. № 2. P3. 139-151.
4. Senjavskaja E.S. Liberating mission of the USSR in World War II as an object of distortion of historical reality and historical memory / E.S. Senjavskaja // The USSR and its allies and enemies in World War II: proceedings of the scientific-practical conference dedicated to the 65th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, 1941-1945. 21-22 April 2010, Moscow, 2010, PP. 40 - 42.
5. Pogorel'skaja S.V. Germany-Poland-Russia: peculiarities of mutual perception and foreign policy / S.V. Pogorel'skaja // Actual problems of Europe. 2008 Vol. 2. P. 156.
6. Torbakov I.B. "Unexpected" or "uncertain" of the past. International Relations and Russian historical policy / I.B. Torbakov // Symbolic politics: collection of scientific papers. Center for Social Science Information Studies Branch of political science; Managing editor: Malinova O. Moscow, 2012. PP. 91-125.
7. Rape under the tank: the artist initiated a debate about the past Gdansk [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.inosmi.ru/world/20131017/213952307.html> (date accessed 21.02.2014).
8. General return to his homeland? [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.rg.ru/2014/02/03/general-poln.html> (date accessed 21.02.2014).
9. Senjavskaja E.S. Red Army soldiers in the Polish lands: the psychological aspects of the relationship with the Polish civilian population / E.S. Senjavskaja // History. 2001. № 8. [Electronic resource]. - Mode of access: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200100801>(date accessed 21.02.2014).
10. Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (further - CAMO). F. 236. R. 2727.

11. Konev I.S. Notes of the front commander. M.: Science, 1972. 368 p.
12. САМО. F. 67. R. 12001.

УДК 94

**Противоправные действия советских военнослужащих по отношению
к гражданскому населению Польши на завершающем этапе
Второй мировой войны**

Сергей Игоревич Белов

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение темы преступных действий военнослужащих Красной Армии против гражданского населения Польши в 1944–1945 гг. Освещение получили такие аспекты вопроса, как масштабы и характер противоправных действий советских солдат и офицеров по отношению к нонкомбатантам. Раскрыта тема противодействия преступлениям рядовых солдат и офицеров со стороны командования Красной Армии. Проведен сравнительный анализ поведения красноармейцев, военнослужащих Войска Польского и гражданского населения. Введены в научный оборот новые архивные источники – хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации донесения, сводки и отчеты политических органов 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов о настроениях населения на освобожденных районах Польши за 1944–1945 гг.

Ключевые слова: Красная Армия; мародерство; Польша; фальсификация истории; историческая память.